Рубрика: «НА ОСТРИЕ», «Поколение» № 184

КУЛЬТУРА БЕСКУЛЬТУРИЯ

Образы. Весь мой микромир состоит из образов, созданных давно, в одной маленькой темной комнате. Вокруг маленькой меня тогда были только черные стены и черные костлявые руки. Они тянулись к светлой коже и превращали ее в черную. Поначалу я пыталась рисовать. На бумаге все это казалось не таким уж и страшным. А позже научилась играть на фортепиано. И каждую ночь, чуть слышно нажимая на клавиши, извлекала нечто, похожее на Баха. Стоило только открыться и раствориться в звуке, и вот уже светлое наполняло черную комнату. Музыка до сих пор возрождает во мне меня. Земфира, Олафур Орналдс, Тигран Хамасян создают мои новые образы. Исчезает черная я, появляется светлая.

Нет, мой плейлист не состоит только из классики или рока. В нем есть много подросткового, «Пошлой Молли», например. Но, к счастью, такую «роскошь» я оставляю на время вечеринок. Жалею свои уши, а также душу. И я не разрушаю хрупкое равновесие миров. Просто оберегаю себя от дурного влияния масскульта, культуры с упрощенными, легкодоступными ценностями, рассчитанная на получение прибыли. Пример тому – поп-культура. Она лишена всякого смысла. Но почему-то оперирует миллиардными суммами.

К сожалению (или для кого-то к счастью), музыка сегодня превратилась в товар. А музыкальная индустрия стала конвейером по производству рингтонов для телефонов. Главное, чтобы узнаваемость песни обеспечивалась и тем самым способствовала ее быстрому «усвоению» в «желудках» народа. Люди всегда потребляют, потому что потребление необходимо каждому человеку для поддержания жизни. Да здравствует массовая культура, которая формирует гедонистов, зацикленных на фрейдовском принципе наслаждения.

«Человек сейчас подобен царю Мидасу, который испросил у богов дар превращать все в золото, и умер от голода: все, к чему человек ни прикасается, превращается в продукт потребления. Сама реальность превратилась в продукт потребления. А раз так – человек практически подписал себе смертный приговор», – считает композитор Владимир Мартынов.

Массовому потребителю музыка стала доступна благодаря звукозаписи, сделавшей ее статичной. Внезапно появилась возможность слушать одну и ту же песню, которую исполнял один и тот же артист в одной и той же манере бесконечное количество раз в день, сколько вы сами того пожелаете. Программисты в шутку часто говорят: «Это ошибка или фишка?». Билл Драммонд из эйсидхаус-группы The KLF считает, что ошибка: «Все хотели записывать музыку. Все хотели положить ее в коробочку, которую можно было купить или продать. И это сильно сократило возможности музыки, отняло у нее то, что было ее неотъемлемыми частями, а именно: время, место и случай».

Массовая культура питается продуктами культуры элитарной и не способна самостоятельно производить что-то гениальное, что обеспечит духовное преображение человека. Но это и не входит в функции масскульта. На рынок звукозаписи постоянно выбрасывается огромное количество продукции всевозможных групп, стилей, направлений. Групп много, но это для того, чтобы создать у потребителя иллюзию собственного выбора. Капиталистическое производство установило контроль за человеческой жизнью.

Но, несмотря на все это, массовая культура стала важным фактором развития экономики, отдыха, снятия напряжения и стрессов многих миллионов людей. Она доступна, понятна, выразительна, зрелищна и универсальна. Так, образы, созданные Чарли Чаплином, одинаково близки и понятны абсолютно каждому, они рождают смех и слезы и в самом высокообразованном, и в самом малограмотном человеке. То же самое можно сказать о музыкальной комедии Григория Александрова «Веселые ребята». В Европе она была признана лучшим джазовым кинопроизведением. Популярные песни из фильма

бесчисленными тиражами записывались и издавались на граммофонных пластинках, в том числе в европейских странах и США. А значит, что? Массовое искусство может быть высоким. Правда, его заложником и пассивным субъектом запрограммированного потребления лучше все-таки не становится: избирательно относиться к лежащей на прилавке «продукции». Не слушать звуки канализационных труб или смотреть фильмы, в которых смысл равняется «горошине». Ржавый моховик культурного застоя можно сдвинуть лишь при помощи банального желания ДУМАТЬ. А параллельно с работой головного мозга воспитывать в себе вкус. Механические клоуны ведь долго не живут. Стоит только перестать покупать сборники а-ля «Выезжаю на район» и слушать попсу, «Хоп-хэй лалалэй» Агутина, и артисты сразу поймут, что «халтурить» больше нельзя, и во время очередного интервью Duft Punk скажут, что в списке их самых любимых треков – новый альбом Киркорова, который недавно получил «Грэмми».

«Чтобы судить о прекрасном, необходим опыт общения с ним. Вокруг нас постоянно существует музыка, восприятие которой не требует специальной подготовки, и мы впитываем ее не замечая. Чем больше человек знакомится с немассовыми явлениями – будь то фольклор, джаз, церковная или академическая музыка, – тем шире границы его музыкального восприятия. Этот процесс постижения можно сравнить с восхождением к вершине. Ведь что видно вокруг, когда стоишь внизу? Только то, что находится в непосредственной близости. Да, можно взглянуть на горизонт, но что там – неясно. Зато какой вид открывается с вершины!» – поясняет музыкальный теоретик Ольга Заборских.

«Мы растворяем друг друга, Жужа. Как кислота или что хуже. И нам нести эту боль вместе. Стеклянную». Секунду назад здесь еще не было строчек из песни Земфиры. Секунду назад я и не собиралась их сюда вставлять. И, возможно, вообще ничего не собиралась. За окном ночь, в комнате ночь и во мне тоже была ночь. Была. Сейчас ее нет. Пропала сразу после того, как я услышала 17 невзаимосвязанных слов, наложенных на музыку и вырванных из контекста песни Земфиры. Я не знаю, как это произошло и не знаю, как это происходит все время. Возможно, я просто начинаю чувствовать. ЧУВСТВОВАТЬ себя. Осознавать свое место в этой комнате. Положение каждой своей косточки относительно всего этого мира. Я есть, я существую, я могу воспринимать искусство и под его влиянием создавать что-то свое

Серафима ЧЕСНОКОВА